— Неизвестно ещё, сколько мужчин её поимели…

Фраза не успела оборваться, как её прервала Тань Цзин.

— Вот как?

Тон Тань Цзин внезапно изменился.

Она подалась вперед — настолько близко, что между ними почти не осталось расстояния. Её губы коснулись ушной раковины Фу Цзиньюэ, а голос зазвучал очень тихо, так тихо, будто это был выдох, исторгнутый из самой глубины горла:

— Я никогда не любила мужчин. И понятия не имею, чьих сплетен ты наслушалась, — не говоря уже о Ян Вэньхао.

Её дыхание обдало мочку уха Фу Цзиньюэ, заставив кожу покрыться мелкой сыпью мурашек.

— Мне нравятся девушки.

В её голосе послышался легкий намек на улыбку, от которой у любого по спине побежали бы мурашки.

— Я лесбиянка.

— Особенно мне нравятся красивые девушки.

Её взгляд скользнул по брови и глазам Фу Цзиньюэ, опустился на губы, а от губ — к шее.

— А ты — очень красива.

В тот момент, когда сорвался последний слог, Тань Цзин пришла в движение.

Она подняла ногу, и её колено вклинилось между ног Фу Цзиньюэ. Одной рукой она прижала оба запястья Фу Цзиньюэ к стене над её головой. Другой рукой она обхватила её за талию, накрепко зафиксировав перед собой.

Фу Цзиньюэ оказалась пригвождена к месту.

Она не могла пошевелиться.

Лицо Тань Цзин уткнулось ей в изгиб шеи.

Сначала последовало легкое касание, а затем — умеренные поцелуи и посасывания: раз, два, три. Фу Цзиньюэ чувствовала, как в этом месте бьется её пульс, и каждый удар тяжело врезался в губы Тань Цзин.

Этот поцелуй медленно скользнул ниже.

От шеи к ключицам.

— М-м…

Из горла Фу Цзиньюэ вырвался едва слышный стон.

Она и сама не поняла, откуда взялся этот звук. А когда осознала, её лицо уже пылало так, будто вспыхнуло пламенем. Она хотела закусить губу, но стоило ей только шевельнуть ими, как Тань Цзин снова поцеловала её.

В этом поцелуе сквозило нечто не терпящее возражений.

Фу Цзиньюэ закрыла глаза.

Она не знала, сколько прошло времени. Ей казалось, что оно тянется бесконечно долго — настолько долго, что она уже не могла разобрать, минуло ли несколько минут или гораздо больше. Её сознание затуманилось, и осталась лишь чистая телесная реакция: дыхание участилось, а сердце колотилось так бешено, будто собиралось выпрыгнуть из груди.

Колено всё еще подталкивало снизу — не слишком сильно и не слабо, ровно настолько, чтобы невозможно было игнорировать.

Фу Цзиньюэ покусывала кончик языка Тань Цзин, соревнуясь с ней в упрямстве; закрыв глаза, она притворялась, будто ничего не происходит. Но реакцию тела не обманешь: она чувствовала, что начинает понемногу таять, словно сахар, расплавленный под лучами солнца.

Тань Цзин, разумеется, тоже это чувствовала.

Но она вовсе не собиралась останавливаться.

Она делала это нарочно.

Кто же виноват, что некто еще несколько часов назад изо всех сил старался её оклеветать.

Фу Цзиньюэ мысленно перемыла кости всем её предкам до восемнадцатого колена, но даже после этого ругань не смогла избавить её от охватившего тело жара.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Тань Цзин наконец остановилась.

Она отступила на шаг, отпустила запястья Фу Цзиньюэ и поправила собственную одежду.

Затем она улыбнулась Фу Цзиньюэ.

Эта улыбка была легкой и небрежной, словно она говорила: На сегодня хватит.

После этого она распахнула дверь и ушла, не оглядываясь.

Фу Цзиньюэ прислонилась к стене, чувствуя, как у неё подкашиваются ноги.

Опираясь на стену, она медленно съехала вниз, присела на корточки и уткнулась лицом в колени.

— Су Ваньвань… — сквозь стиснутые зубы процедила она это имя, и каждый слог был пропитан чистейшей злобой.

— Ты…

— Сукин сын…

— Я сожгу тебя дотла!

Глава 18. И ты тоже

Когда Фу Цзиньюэ вернулась домой, её лицо было до того бледным и страшным, что слуги не смели к ней подходить.

Она заперлась в своей комнате, просидела на кровати ровно десять минут, после чего взяла в руки телефон. Её палец долго зависал над экраном, пока она наконец не открыла самый верхний диалог.

— Папа.

Сообщение улетело, и она тут же пожалела об этом. Но прежде чем она успела сообразить, как его отозвать, телефон завибрировал.

— Что случилось?

Фу Цзиньюэ уставилась на эти два слова, прикусила губу и быстро застучала по экрану: Меня сегодня обидели в школе.

На том конце помолчали несколько секунд.

— Кто?

В то же время на другом конце города.

Тань Цзин толкнула дверь съемной квартиры. Внутри было темно, лишь сквозь окно пробивался слабый свет уличного фонаря. Нащупав выключатель, она зажгла свет, сменила обувь, бросила школьный портфель на диван и достала телефон.

На экране горела маленькая красная точка.

В списке контактов висел новый запрос на добавление в друзья.

Она открыла его и в тот же миг, глядя на аватарку, слегка приподняла брови.

Мин Юэси.

На аватарке красовалось отретушированное селфи: изощренный ракурс, наложенные на максимум фильтры — стандартный стиль интернет-красотки. В примечании значилось: Я Мин Юэси, есть дело.

Тань Цзин несколько секунд смотрела на эти слова, а уголки её губ изогнулись в загадочной усмешке.

Есть дело ко мне?

Она откинулась на спинку дивана, большой палец лениво скользнул по краю экрана. По правде говоря, ей сейчас совершенно не улыбалось заводить какие-либо дела с Мин Юэси.

Та девица, что стояла за спиной Фу Цзиньюэ и самоуверенно полагала, будто способна держать всё под контролем, была настолько глупа, что у Тань Цзин даже пропало желание сводить с ней счеты.

Общаться с подобными людьми — лишь ронять собственный уровень.

Но, подумав еще немного, она решила, что сегодняшняя история еще не закончена. Мин Юэси была зачинщицей, а Фу Цзиньюэ — всего лишь пешкой, выставленной на передний край. Если она отклонит заявку в друзья, это будет выглядеть так, будто она испугалась.

Поразмыслив пару секунд, Тань Цзин нажала кнопку Принять.

В следующую секунду выскочило сообщение.

Су Ваньвань, я хочу пригласить тебя в кино. В восемь сорок, придешь?

Тань Цзин уставилась на это сообщение, впервые усомнившись в собственных способностях к смысловому чтению.

Что за бред?

Она перечитала текст трижды, убедившись, что ей не померещилось, после чего неторопливо набросала ответ: Мин Юэси, ты вообще в своем уме?

На том конце воцарилось молчание.

— …

— В смысле? Я просто хочу пригласить тебя в кино, зачем сразу язвить?

Тань Цзин легко могла представить лицо Мин Юэси в этот момент: нахмуренные брови, поджатые губы и выражением лица в духе Ты совсем не ценишь доброты.

Ей было лень вступать в пустые споры, и она ответила всего двумя словами: Не пойду.

Только безумец согласится.

На балконе Мин Юэси уставилась на эти два слова, сделала глубокий вдох, потом еще один.

Её пальцы, сжимавшие телефон, мелко дрожали.

Сколько она себя помнила, еще никто и никогда так наотрез и без колебаний ей не отказывал. Особенно в таких приятных вещах, как Я приглашаю тебя в кино — разве не все вокруг с радостью бежали по первому зову? Кем вообще возомнила себя эта Су Ваньвань, какая-то нищая переведенка, с какой стати она…

Она осеклась.

Сделала еще один глубокий вдох.

Она вспомнила события сегодняшнего дня. Вспомнила лица одноклассников в тот момент, когда Тань Цзин достала то ожерелье. Вспомнила мертвенно-бледное лицо Фу Цзиньюэ. И вспомнила себя, стоявшую там полной дурой, не способную вымолвить ни слова.

Она вспомнила, как разыскала того парня, как передала ему ожерелье, как била себя в грудь, заверяя Фу Цзиньюэ: Не переживай, всё пройдет безупречно.

А затем вспомнила то подмененное ожерелье.

Вспомнила удаляющуюся спину сбежавшего парня, который даже не оглянулся.

Мин Юэси прикрыла глаза.

Когда она открыла их снова, взгляд её изменился.

Она снова взяла в руки телефон и принялась печатать, делая это очень медленно, будто каждое слово было тщательно обдумано: Прости. Я просто хотела перед тобой извиниться. То, что произошло сегодня… я просто затупила.

Отправить.

Затем она уставилась на экран в ожидании.

В гостиной стояла тишина, нарушаемая лишь гудением внешнего блока кондиционера. Мин Юэси стояла на балконе, ночной ветер обжигал холодом. Только сейчас она заметила, что одета лишь в тонкий трикотажный джемпер, а по рукам побежали мелкие мурашки.

Телефон завибрировал.

Ладно. Скинь мне адрес.

Мин Юэси замерла на секунду, а затем улыбнулась.

Когда Тань Цзин переоделась и вышла на улицу, небо уже окончательно потемнело.

Во второй половине года точка солнечного зенита смещается в Южное полушарие, поэтому в

Северном ночи наступают рано. Однако ночной Хайчэн никогда не казался тусклым из-за ранней темноты — неоновые вывески зажигались одна за другой, на гигантских рекламных щитах сияли улыбки звезд, а поток машин вился по дорогам светящейся рекой.

Одетая в абрикосовую штормовку, она стояла у выхода из метро и ждала по присланному Мин Юэси адресу.

Мимо неё бурлил людской поток: спешащие домой офисные работники, школьники после занятий, путешественники с чемоданами. Тань Цзин прислонилась к перилам, рассеянно скользя взглядом по толпе, пока он не зацепился за одну точку.

Мягкий кремово-белый седан медленно приближался.

Кузов выглядел сдержанно, эмблема не бросалась в глаза, но плавные линии и солидный глянец краски сразу выдавали в машине дорогую игрушку для знатоков. Мотор урчал густо и низко — мощно, но не резало слух, напоминая приглушенное рычание крупной кошачьей хищницы.

Окно плавно опустилось.

Мин Юэси сидела за рулем, а её бежевый джемпер выгодно оттенял белизну кожи. Держась за руль, она легко подбородочком качнула в сторону Тань Цзин и улыбнулась: Садись быстрее!

Тань Цзин бросила на неё короткий взгляд.

Она впервые видела Мин Юэси такой — без заносчивости, без ядовитых шпилек, без того высокомерного превосходства в стиле Я богатая госпожа, а ты нищая студентка. Перед ней сидела самая обычная девушка, пригласившая её в кино, и улыбалась вполне искренне.

Больше не раздумывая, она открыла дверцу и села внутрь.

Машина влилась в транспортный поток.

Автомобиль остановился у входа в ресторан.

Тань Цзин подняла голову, окинула взглядом фасад и ничего не сказала. Этот ресторан был ей знаком: известное в Хайчэне фешенебельное заведение западной кухни, средний чек в котором исчерпал бы весь её бюджет на месяц.

Мин Юэси заглушила двигатель, повернулась к ней и произнесла: Готовят здесь просто отменно, я решила сводить тебя попробовать.

Тань Цзин повернула голову и несколько секунд пристально разглядывала её лицо.

Выражение лица — нормальное.

Взгляд — нормальный.

Никакой фальши, никаких уверток, ни малейшего намека на то, что замышляется какая-то пакость.

Тань Цзин отвела глаза.

http://bllate.org/book/28462/3441240